

УДК 947.8

**РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ
ПРИКАЗА № 227
«НИ ШАГУ НАЗАД!»:
КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Колмакова В. В., Шалков Д. Ю.

Донской государственной технической
университет, Ростов-на-Дону, Российская
Федерация

vk1m07@mail.rushalkovdenis@yandex.ru

Рассматривается речевая стратегия приказа И. В. Сталина № 227 в коммуникативно-прагматическом аспекте. Основными свойствами этой стратегии являются крайняя степень императивности, категоричность, агональность и коммуникативная агрессия, которые нашли отражение в лексико-семантическом оформлении документа и его морфологии. Авторы приходят к выводу о том, что, воспроизводя стандартную композиционную структуру приказа (преамбула и распорядительная часть), текст наркома обороны Советского Союза И. В. Сталина несёт в себе ярко выраженные публицистические черты, реализующиеся на уровне лексики, фразеологии и синтаксиса, и становится своего рода воззванием, адресованным всему русскому народу. В годы войны приказ произвёл мощный суггестивно-активационный эффект, именно поэтому значение этого документа в отечественной истории трудно переоценить.

Ключевые слова: приказ № 227 И. В. Сталина, речевая стратегия, коммуникативно-прагматический аспект, агональность, коммуникативная агрессия, императивность, суггестивно-активационный эффект.

Введение. Более 70 лет назад появился один из самых известных и неоднозначных документов Великой Отечественной войны — приказ наркома обороны И. В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 года «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций». Приказ, получивший в народе название «Ни шагу назад!», был связан с резким ухудшением обстановки на фронте. После поражения в Харьковской операции, неудачных боёв под Воронежем, на Дону и на Донбассе Красная Армия с огромными потерями отступала до Волги и Северного Кавказа.

UDC 947.8

**SPEECH STRATEGY OF ORDER NO. 227
"NOT ONE STEP BACK! »:
COMMUNICATIVE-PRAGMATIC
ASPECT**

Kolmakova V. V., Shalkov D. Yu.

Don State Technical University, Rostov-on-Don,
Russian Federation

vk1m07@mail.rushalkovdenis@yandex.ru

The article deals with the speech strategy of Stalin's order No. 227 in communicative and pragmatic aspect. The main properties of this strategy are extreme imperativeness, categoricalness, agonality and communicative aggression, which is reflected in lexical and semantic processing of document and its morphology. The authors come to the conclusion that, reproducing the standard compositional structure of the order (preamble and administrative part), the text of the People's Commissar of Defense of the Soviet Union I. V. Stalin carries a pronounced journalistic features, implemented at the level of vocabulary, phraseology and syntax, and becomes a kind of appeal addressed to all Russian people. During the war, the order produced a powerful suggestive-activation effect, which is why the importance of this document in the national history is difficult to overestimate.

Keywords: Order No. 227 of I.V. Stalin, speech strategy, communicative-pragmatic aspect, agonality, communicative aggression, imperativeness, suggestive-activation effect.

В результате панического бегства советской армии в июле 1942 года были сданы «ворота на Кавказ» — Ростов-на-Дону, имевший важнейшее стратегическое значение. Противнику достались боеприпасы, оружие, боевая техника, горюче-смазочные материалы, продовольствие, лекарства, обмундирование и транспортные средства. Паника была настолько сильна, что в конце месяца беглых солдат из-под Ростова-на-Дону приходилось задерживать на Северном Кавказе, где многие из них совершали набеги на склады с вином и продовольствием.

В распоряжении немецко-фашистских захватчиков оказались наиболее развитые промышленные и сельскохозяйственные территории Советского Союза с высокой плотностью населения. В приказе № 227 указывалось, что на захваченной противником земле осталось более 70 миллионов советских граждан и значительные стратегические ресурсы. Страна потеряла преимущество над Германией не только в людских резервах, но и в запасах хлеба и продовольствия. Дальнейшее отступление, подчёркивалось в документе, привело бы государство к неотвратимой гибели.

Известно, что проект приказа был подготовлен начальником Генштаба Александром Василевским, однако, как признавался он сам, от первоначального текста практически ничего не осталось. Сталин не просто отредактировал его, а фактически полностью переписал документ. Именно Сталину принадлежит утверждение, что население страны «начинает разочаровываться» в Красной Армии, «теряет веру» в неё и «проклинает» за отступление [1].

Основная цель приказа — ликвидировать пораженческие настроения в войсках, повысить уровень дисциплины и ответственности командного состава. Документу предпослана пространная преамбула, в которой Сталин излишне эмоционально для такого жанра официально-делового стиля, как приказ, опровергал точку зрения, будто бы отступить на восток можно бесконечно долго, поскольку «страна наша велика и богата». Примечательно, что нарком обороны неожиданно похвально отозвался об опыте врага: в декабре 1941 года Гитлер издал идентичный по своему содержанию «стоп-приказ», согласно которому в вермахте формировались штрафные роты.

Цель авторов данной статьи — проанализировать текст приказа № 227 с точки зрения коммуникативно-прагматической стратегии документа, рассмотреть его публицистические и лексические особенности, которые сделали приказ настоящим воззванием ко всему русскому народу.

Речевая стратегия приказа № 227 детерминирована несколькими разнонаправленными факторами. Среди них — собственно языковые (связанные с композиционными и лексическими особенностями жанровой модели приказа) и экстралингвистические (связанные с военно-политической обстановкой в стране и индивидуальными эмоционально-психологическими особенностями составителя документа). Рассматривая текст сталинского приказа в коммуникативно-прагматическом пространстве, необходимо учитывать не только социальные и психологические качества адресанта, но и его коммуникативные компетенции, обеспечивающие речетворческую деятельность. По словам Е. М. Беспаленко, в процессе коммуникативной деятельности автор позиционирует себя «как личность, проявляющуюся в одной или нескольких своих социальных ролях и психологических особенностях» [2].

Речевое поведение Сталина, будучи индикатором его эмоционально-психологического состояния, эрудиции, мировоззрения, интеллектуальных возможностей и военно-стратегических задач, проявляется как в бессознательном, так и в осознанном выборе лексических и грамматических сигналов, обусловленных целями, мотивами и прагматикой приказа. При этом в тексте документа нашли отражение как эмотивно-, так и конативно-ориентированные речевые стратегии [3].

Вслед за Е. С. Артамоновой, предложившей классификацию стратегий скрытого речевого воздействия, эмотивные стратегии сталинского приказа можно оценить с точки зрения участия коммуникантов в речевом событии, уверенности поведения автора, восприятия автором речевого

события как гипотетически реального, «социального имиджа», связанного с языковой характеристикой статуса адресанта, эмоциональности его речевого поведения.

Среди конативных стратегий, реализующихся в приказе № 227, следует отметить стратегии удовлетворения автором ожиданий получателя текста, акцентирования им некоторых элементов высказывания, а также стратегию «формирования автором отношения получателя текста к речевому событию путём его одобрения» или, напротив, негативной оценки [4].

В основном тексте приказа содержатся требования навести в армии «строжайший порядок и железную дисциплину», «ликвидировать отступательные настроения в войсках». Командующим фронтов вменялось в обязанность снимать с должностей и направлять в Ставку Верховного Главнокомандования СССР для привлечения к военному суду командиров, которые допустили самовольное отступление войск с боевых позиций без приказа командования фронта. Аналогичные действия армейского командования предусматривались в отношении командиров, комиссаров и политработников корпусов, полков и батальонов. Для каждого военнослужащего объявлялось требование: ни шагу назад без приказа высшего командования. Паникёров и трусов предписывалось уничтожать на месте.

В тексте сталинского приказа неоднократно используются лексема «паника» и её дериваты. Слово это происходит от древнегреческого «*πανικός*», что означало «принадлежащий Пану, панический». Именно богу пастушества и скотоводства, плодородия и дикой природы Пану греки и римляне приписывали происхождение безотчётного страха, ужаса, навеянного ложной тревогой. В современном русском языке под паникой понимают «крайний, неудержимый страх, сразу охватывающий человека или многих людей», очень сильный испуг, боязнь, а также всеобщее волнение, переполох, вызванные этим страхом [5]. Иными словами, концепт «паника» «в сцеплении» (термин Л. Н. Толстого) с представлением о гипотетическом военном поражении формирует крайне негативное эмоционально-смысловое поле, которое оказывает непосредственное суггестивно-активационное воздействие на коллективный адресат — Красную Армию: «Немцы не так сильны, как это кажется *паникёрам*»; «*Паникёры* и трусы должны истребляться на месте» [1] (здесь и далее курсив наш — В. К., Д. Ш.).

Идентичное воздействие обусловлено употреблением в тексте приказа различных форм императива, грамматическое значение которого указывает на то, что действие представляется как требуемое и не зависящее ни от каких субъективных или даже объективных факторов. В этом отношении инфинитивы в сочетании с краткими прилагательными и модальными словами в значении долженствования, используемые Сталиным, обозначают категорическое приказание, запрет или призыв: «Каждый командир, каждый красноармеец и политработник *должны понять*, что наши средства неограничены»; «Поэтому *надо* в корне *пресекать* разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать...»; «Мы *должны остановить*, а затем *отбросить* и *разгромить* врага, чего бы это нам ни стоило» [1].

Средствами восклицательной интонации регулярно выражают побуждение некоторые отдельные предложения именного класса, а также предложения, строящиеся с участием отрицательного слова: «*Ни шагу назад!* Таким теперь должен быть наш главный призыв» [1]. В приказе № 227 императив по сути обретает оптативное семантическое наполнение и функционирует как единица фразеосистемы. Императивную прагматику документа многократно усиливают **семантические повторы** («Надо упорно, до последней капли крови защищать *каждую* позицию, *каждый* метр советской территории, цепляться за *каждый* клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности»), **риторические вопросы** («Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?» [1]), **вопросно-ответная форма изложения** преамбулы («Чего же у нас не хватает? Не хва-

тает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях, **анафорическое введение предложений**, в которых говорится об опыте немецких войск по восстановлению расшатанной дисциплины («*Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости...*» — «*Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров...*» — «*Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения...*» [1]).

Как и все аналогичные документы, приказ № 227 чётко делится на две части: констатирующую и распорядительную. Констатирующая часть, в которой обычно даётся обоснование предписываемых действий, представляет собой рассуждение о порядке и воинской дисциплине. Поскольку приказ издавался в инициативном порядке и не был предназначен для публикации (тексту документа предшествует гриф «Без публикации»), в его констатирующей части сформулированы цели и задачи предписываемых действий, а также излагаются факты и события, послужившие причиной издания приказа.

В первой части документа звучит мысль о том, что все беды Красной Армии обусловлены исключительно тем, что ей не хватает порядка и железной дисциплины. Слово «дисциплина» употребляется в приказе 13 раз в самых разных грамматических формах и сочетаниях. Исходя из констатирующей части приказа, можно сделать вывод, что степень благородства цели, стоящей перед Красной Армией, находится в прямой зависимости от уровня её дисциплины, и наоборот, уровень дисциплины и порядка определяется благородством поставленной цели. В связи с этим превосходство немцев в дисциплине по сравнению с бойцами Красной Армии вызывало определённое недоумение у советского вождя. Ведь у немецких войск, как говорится в документе, была только грабительская, захватническая цель — покорить чужую страну, а советских солдат вела цель возвышенная и благородная — защита своей поруганной Родины.

Распорядительная часть документа, состоящая из трёх пунктов (включающих подпункты), изобилует словами-концептами, формирующими агональные сенсорно-смысловые микрополя. В лингвокультурологии понятие «агональность» интерпретируется как специфическое качество носителя языка, заключающееся в его способности и готовности длительное время находиться в воинственном состоянии, в атмосфере борьбы, противодействия, духа соревновательности в любой сфере — в семье, в профессиональной деятельности, в дружеских отношениях, в общественно-политической жизни. Агональность, выражающуюся в выборе коммуникативно-прагматических стратегий, целесообразно трактовать как наличие определённого умственного инструментария, психологической оснастки, которыми вооружается человек определённого сообщества в противостоянии окружающему миру.

Явления, действия и лица, обозначаемые в приказе посредством так называемых «агональных» слов, лежат в основе его волевой сенсорики и агрессивной коммуникативной стратегии [6]. Таковыми являются имена существительные «враг» (враг лезет, рвётся, насилует, грабит, убивает), «фронт» (открывать фронт, участок фронта), «оккупанты», «плен»; глаголы «загубить», «отбирать», «расстреливать», «ликвидировать», «истребить», «отбросить», «разгромить», «выдержать... удар», «отстоять», «победить», «защищать»; словосочетания «военный суд», «штрафные батальоны», «штрафные роты», «заградительные отряды» и ряд других, обозначающих реалии военного времени [1].

Характерно, что категоричность коммуникативной стратегии сталинского приказа усиливается анафорическим построением его распорядительной части: 3 подпункта из 8 вводятся наречием «безусловно» («*безусловно ликвидировать*», «*безусловно снимать с поста и направлять*», «*безусловно снимать с постов*» [1]). Эффект речевой избыточности эксплицирует агрессивную прагматику документа.

Не менее важную роль в тексте приказа № 227 играет инвективная лексика, являющаяся одним из видов речевой агрессии, которая направлена не только в сторону «немецких угнетателей», но и в сторону предателей Родины [7]. Примерами инвективы как социальной дискредитации и языкового оскорбления субъекта посредством адресованного ему текста могут служить глаголы с констатирующей семантикой и номинации лица, обозначающие негативные с точки зрения общественных интересов занятия, поступки, деятельность, поведение: «захватывает», «опустошает», «разоряет», а также «ненавистный враг», «паникёр» в значении «человек, легко поддающийся панике, распространяющий тревожные слухи» (даётся с толковых словарях с пометой «неодобрительное»), «трус» [8]. Показательно, что в тексте приказа слова «паникёр» и «трус» становятся контекстуальными синонимами выражения «предатель Родины».

Сходные функции выполняют эмоционально-оценочные слова («насквозь *фальшивые и лживые*», «*вредные*» разговоры, «*позорное*» поведение), экспрессивная и разговорная лексика (враг «*лезет вперёд*»), публицистические вставки («Таков призыв нашей Родины»), а также метафорические выражения, используемые во фразеологически связанных значениях: «покрыв свои знамёна позором», «ярмо немецких угнетателей», «до последней капли крови», «поруганная Родина», «тяжёлые дни», «искупить кровью», «искупить свои грехи» и многое другое [1].

Заключение. Приказ № 227 — один из самых сильных, значимых и неординарных документов военной эпохи и по глубине патриотического содержания, и по уровню эмоциональной насыщенности, что нашло отражение в коммуникативно-прагматической стратегии документа. Среди основных свойств этой стратегии следует отметить крайнюю степень императивности, категоричность, агональность и коммуникативную агрессию, которые воплотились в лексико-семантическом оформлении документа и в его морфологии. Воспроизводя стандартную композиционную структуру приказа (преамбула и распорядительная часть), текст наркома обороны Советского Союза И. В. Сталина несёт в себе ярко выраженные публицистические черты, реализующиеся на уровне лексики, фразеологии и синтаксиса, и становится своего рода воззванием, адресованным всему русскому народу. В своё время приказ Сталина произвёл мощный суггестивно-активационный эффект, именно поэтому значение этого документа в отечественной истории трудно переоценить.

Библиографический список

1. Приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 227 (28 июля 1942 г.) «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» [Электронный ресурс] / Армии и солдаты. Военная энциклопедия. — Режим доступа: <http://armedman.ru/dokumenty/prikaz-narodnogo-komissara-oboronyi-soyuza-ssr-227-28-iyulya-1942-g.html> (дата обращения: 20.09.18).
2. Беспаленко, Е. М. Прагмалингвистика как средство диагностирования личностных качеств человека / Е. М. Беспаленко // Молодой учёный. — 2017. — № 46 (180). — С. 178–181.
3. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : дис. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Матвеева. — Санкт-Петербург, 1993. — 449 с.
4. Артамонова, Е. С. Стратегии скрытого речевого воздействия как способы создания имиджа публичной персоны / Е. С. Артамонова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2015. — № 2 (18). — С. 15–22.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва : ООО «А темп», 2013. — 873 с.

6. Колмакова, В. В. Проявление речевой агрессии в комплименте / В. В. Колмакова, Д. Ю. Шалков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 1–1 (55). — С. 128–132.

7. Ким, А. А. Инвективная лексика: коммуникативно-прагматический аспект / А. А. Ким // Проблемы лингвистики текста в культурологическом освещении: межвузовский сборник научных трудов. — Таганрог, 2001. — С. 65–75.

8. Колмакова, В. В. Проблема установления границ языкового оскорбления / В. В. Колмакова, Д. Ю. Шалков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12–1 (78). — С. 111–113.